

ДВА ПИСЬМА О ПУШКИНЕ

Публикация В. А. Закруткина.

В архиве М. Балакирева и С. Ляпунова (Архив Института литературы Академии Наук СССР) обнаружены два письма И. Е. Гогниева к А. К. Балакиреву; в этих письмах (одно из них датировано 1830, второе 1837 г.) есть ряд упоминаний о Пушкине.

Автор писем — столоначальник в III отделении канцелярии Министерства императорского двора Иван Егорович Гогниев. По всей вероятности в конце 20-х годов Гогниев приехал из Нижнего-Новгорода в Петербург, где стал работать в Министерстве императорского двора под начальством поэта-идиллика В. И. Панаева. Еще живя в Нижнем, Гогниев увлеклся литературой и, очевидно, на этой почве сблизился с нижегородским дворянином Алексеем Константиновичем Балакиревым (ему адресованы письма Гогниева), отцом известного русского композитора Милия Алексеевича Балакирева. В одном из писем Гогниев упоминает о «стихотворных бреднях», о литературных спорах молодежи в Нижнем-Новгороде.

Петербург произвел на молодого провинциала ошеломляющее впечатление (см. письмо 1). Он с восторгом пишет Балакиреву о Невском проспекте, о театре, о мундирных пуговицах с императорскими вензелями, о том, что ему случается переписывать бумаги «с руки государя».

Вскоре Гогниев сблизился с петербургскими журналистами, в частности с А. Ф. Воейковым и О. И. Сенковским; он начинает печатать свои стихи в «Литературных прибавлениях» к «Русскому Инвалиду» за 1834 г. напечатано стихотворение Гогниева «Прощание Байрона с дочерью», некоторые стихи в «Библиотеке для чтения» (1836, т. XV, № 1, 72 и др.), ряд стихотворений в «Сыне Отечества» и пр.

Гогниев принадлежал к числу эпигонов романтизма и одновременно сильно увлекался сентиментализмом карамзинского типа. Так, в одном из своих писем к А. К. Балакиреву в 1829 г. он упоминает о своих загородных прогулках с «любезным Парни», «составляет» своему «любезному другу» Балакиреву напыщенные монологи. Позже он стал увлекаться драматургией и написал ряд плохих комедий: «Свет на разлад», комедия в стихах (СПб., 1881), «Повесть» («Отеч. Зап.», CLXVII) и др. Пьесы эти прошли незамеченными; во всяком случае чиновничья карьера Гогниева сложилась гораздо удачнее, чем литературная: в 80-х годах он вышел в отставку, дослужившись до чина действительного

статского советника (см. «Общ. имп. русск. ист. общ.», т. 60.—«Азбучный указатель имен русских деятелей для русского биографического словаря», ч. 1-я). Умер Гогниев 12 апреля 1881 г. (см. «Петербургский Некрополис»).

С Пушкиным Гогниев не был знаком, как он сам указывает; однако он, очевидно, много раз видел поэта в Зимнем дворце, где находилась канцелярия Министерства императорского двора, и был восторженным поклонником Пушкина. Будучи страстным театралом, он мог часто встречать Пушкина в театре.

Отзывы Гогниева о театре начала 30-х годов и о петербургских артистах не лишены интереса. Из публикуемого письма видно, что упоминание Пушкина о балерине Истоминой в первой главе «Евгения Онегина» сильно укрепило ее популярность (Гогниев восхищался Истоминой «от того больше, что прославил ее Пушкин», как он пишет своему «любезному другу Балакиреву»). Упоминание о Пушкине рядом с Онегиным (в строках о дворцовой набережной) основано на шутильном стихотворении Пушкина:

Вот, перешедши мост Кокушкин,
Опершись — — — о гранит,
Сам Александр Сергееч Пушкин
С monsieur Онегиным стоит.

Смерть Пушкина воспринята была Гогниевым как огромная потеря для литературы; истинные причины дуэли еще не были ему известны; но уже на другой день в Петербурге заговорили об анонимном пасквиле и о грязной роли Геккерена и Дантеса во всей дуэльной истории.

Гогниев довольно верно передает историю самой дуэли, но ошибочно указывает на то, что «Пушкин умер, на другой день, по утру», т. е. 28 января. Это связано, по всей вероятности, с ошибочной датировкой самого письма Гогниева (28 января), написанного после смерти Пушкина и под непосредственным впечатлением ее.

Публикуемые письма имеют несомненный интерес уже потому, что, во-первых, являются яркой иллюстрацией отношения к Пушкину провинциальных литературных кругов (из письма Гогниева видно, что еще в середине 20-х годов, когда он жил в Нижнем-Новгороде, Пушкин был «общим идолом» его и Балакирева); во-вторых потому, что они характеризуют круг театралов пушкинской поры. В настоящей публикации сохранены характерные грамматические особенности писем Гогниева.

А. К. БАЛАКИРЕВУ
И. ГОГНИЕВ

С. Петербург. Июль 1. 1830 г.

Любезный Друг

Алексей Константинович!

Извините меня в долгом молчании; не помните клятву без предвзвезднительно данную. Я обещался писать вскоре по приезде и — не исполнил, а что причиною? ... не спрашивай, Друг, — разные обстоятельства! иногда очень противоположные мыслям и намерениям души. — Таков белый Свет! не то делай, что хочешь, а что случай позволит. — Но без предисловий. — Алексей Константинович, добрая душа, не помнит зла, простит грешного.

И так, любезный Друг, волна житейского моря, к худу ли, добру ли, выкинула меня из одного пристанища в другое. Живу в шумном Питере. Служу в Канцелярии Министра императорского двора. — Ну, свершились ли желанья? спокойна ли душа твоя? спросишь. Отвечаю со вздохом: сердце, сердце кто знает чего ты хочешь! ... Отчаянный романтизм чудно околдовывает думы слабодушненьких смертных, не внимай его напевам и — душа спокойна, спокойно дойдет до покоя, будет наслаждаться настоящим, не будет страшиться грядущего, ни вспоминать с горем и с сожалением, какого бы оно ни было, прошедшего, бывова. — Ну, Милый Друг, опутан ли? А делать нечего, изъяснил вкратце состояние души моей... пишу к догадливому — да уразумеет. — Однако жь скажу, что душа моя здесь как-то расширяется; думы светлее; и воображение питаюсь чем-то величественным — становится удовлетворенным — и живу по произволу ветра!

Приезжай Д. Д. когда нибудь в Петербург, всякий Русской, и особенно человек просвещенный, кажется непременно должен видеть град редкий в Мире, и величественный из всех в своей Родине; Не требуй от меня, я не топограф, и не могу описывать всех редкостей, расположения и искусственных зданий Города — могу только любоваться С Петерб., не смотря на короткое время, мне кажется, я довольно ознакомился. — Если бы ты был здесь, мы бы пошли гулять: так как любишь все блестящее. Вот Невский Проспект! от Адмиралтейского Шпиля, смотри как эта улица длинна, пряма, конца не видно. Как широка! Как прелестно по сторонам зеленеют густые Аллеи! Простяк может быть спросит: не Праздник ли какой? Не встреча ли кого? от куда стеклось такое множество народа? на одной улице? все толпится, шумит, куда то спешат все. Скачут. Гром и стук по каменной мостовой! извините Г. приезжий не праздник, а обряд вседневный, с зари утренней и до полночи поздней! Замечай, как в толпах конных и пеших отливаются одежды разночиния. Шляпки, дымки, перья, эполеты, на костылях, в Кабриолетах, франт и нищий, Журналисты, Любовь, безумье — все тут, всякой по своей тропинке! ... ты — идешь, и не обращаешь внимания на прочее. Вот устремимся на рой существ воздушных, покрытых воалами, дивиться может быстроте ходьбы их — но это по Петерски! ... но оглянись ... уж поздно ... далеко, не вихрь, промчались два скакуна! то Британцы легки их ... но не заглядывайся на эти с трех, и до пятиэтажные дома, на эти блестящие магазины моды; на многоколонный Казанский Собор. Пойдем далее — вот Аничкин Дворец — и в нем Наследник молодой! и Жуковский с ним. Повернем к решетке Летнего Сада, пойдем вдоль мимо ее. Смотри какая чистота в нем. Как густы и высоки деревья! стеклятся пруды! и жаркие девы тонут в них! .. вот прошли решетку — и вдруг — равнина! Широкая, гладкая! Мраморный Дворец и угол Миллионной через нее чуть видны. Посредине бронзовый богатырь Суворов. — То Царицын Луг, то Мар-

сово Поле! идем серединою, на правой стороне Михайловский Замок, — но приближась к ней, не пойдем на узкую Миллионную, не пойдем на Дворцовую площадь, не будем рассматривать Главный Штаб и Адмиралтейство — до другого времени. — Вот выходим из за Мраморного Дворца—и свежий воздух обдает нас. Пред нами расстилается Широкая полоса. Как в зеркале отсвечивается в ней лазурь небесная! Это слава России! то свежая Нева! . . . смотри как на другом берегу златится в ней Шпиц Петропавловской Крепости, как любитесь на себя Васильевский Остров. — Вглядывайся туда далее, далее за Неву, там Острова Крестовский, Каменный, Елагин

Как Рай в час Юности своей,
Цветут зеленой красотою,

К.

Пойдем вдоль гладкой набережной. Вот поравнялись с Палатами нашего Царя. Вот Зимний Дворец! как он обширен! Высок! Готическая Архитектура! . . . видишь ли в верху, в четвертом этаже, несколько окошек, обращенных на Неву. — Там наша Канцелярия, от туда часто друг твой часто любитесь за Невскими видами. Во время дежурства просиживает целый день с книгою. Борнс напевает ему Шотландские песни, — да Л. Д. хотя еще с мениатюрным Лексиконом — но читаю Борнса и Шекспира. — Но пойдем далее по набережной, помечтаем. Смотри мимо нас по Неве сколько реют судов с разноцветными флагами.

На них дары чужой земли;
И под чужими небесами
Рожден их кормщик и пловец!

О милый друг, как мило летнее ночное небо над Невою! Любимое мое гулянье — набережная! Часто в тишине вечерней хожу по ней, и останавливаясь думаю: не на этом ли месте, утомленные скукою жизни, опершись на гранит сей, с Онегиным Пушкин когда

Лишь дрозжек отдаленный стук
С Мильонной раздавался вдруг;
Лишь лодка веслами махая,
Плыла по дремлющей реке;
И их пленяли в далеке —
Рожок и песня удалая. —

Не на этом ли самом месте они сожалели о прошедшей бурной юности, вздыхали о минувших, невозвратимых днях ее наслаждений . . . Ах! такие воспоминания всегда невольно отягощают душу мою. Она становится грустна — . . . что за жизнь, когда она протекает, как ропотный источник в дубраве глухой и непосещаемой? пусть буйный ветер не взволнует его — но за то и ясное солнце с высоты не озарит златыми лучами!! Когда гробовой холод обдаст запустелую душу, не сышь пред ней злата и довольства. — Пусти под паруса Корсаров, в табор Кочующих, в Дубравы дикия холодной Лены! Степь и волны — мир ее!!! Прости меня Л. Д. мои припадки известны тебе — все высказанное между нами.

Оставим же теперь нашу прогулку. Подробности побережем до другого времени. — О чем же еще писать? . . . Ах Л. Д. скорей, скорей сюда! бери Ложу, Креслы, — что хочешь, как насладишься Театром! я не знаю, могут ли быть еще Театры где нибудь, где б было более совершенства в искусстве и величия как сдесь? ни как не поверю, чтоб Московский превзошел сдешний, быть не может. Мочалов далек, далек от Каратыгина! рост высокий, вес пропорциональный, на лице свежесть полдня, волосы и глаза черные, голос гром-

вый и вид гордый — вот Каратыгин!! ужас в Игроке, таинственность в Фаусте, бешенство в Отелле и Разбойниках, буря в Шайке-Черных! — для меня всего удивительнее в нем то, как верно, как разительно он умеет изображать на лице всякую страсть, всякое состояние души! — Волосы дыбом становятся у зрителя, в последнем действии Игрока. Надо видеть его, как он, решившись провожать Горами Путешественника, бледный, искаженный при слове: Провиденье — падает в прах, и трепещущий молит Его — что б отвратить Искушение, — и наконец, когда свершив убийство, после долгих судорожных трясений, и черных размышлений, надо слышать его дикий хохот, торжествующий над Судьбою, а конец — ужас, ужас!!

Не обращаю внимания на этих сухих, скелетов — Трагедии Классические, но редко, редко они скитаются по сцене, жалко, что Каратыгин в них участвует. Недавно я видел Гамлета — Чорт возьми подражателя Г. Висковатого! сделавшего, из превосходного беспорядка Шекспирова Гения, пять правильных и сухих действий! Ни тени, ни одного порыва подлинника! всю Трагедию — на свой покров! Досаднее тем, что у меня, как нарочно, случился подлинник. — Какая таинственность, какая сила в выражениях Шекспирова Принца! Любовь к нему Офелии молчалива, но горяча, и пожирательна. Как она прелестна и жалка в сумасшествии. Как об ней, Утопленнице, страшен разговор ночной Могильщиков! — Где грустные слова Гамлета, когда он рассматривает череп Иорика, который на руках носил, и так часто целовал младенца Гамлета? ... Г. Подражателю все это показалось неприлично и он — выкинул. — Фауст — и Атаман Шайки черных — красоты нынешнего вкуса, может быть еще у вас не известны — они не давно переведены, последняя из творений Байрона; — Теперь беспрестанно показывается на сцене Новая же драма, очень хорошо принятая Публикою: Людмила взятая из Баллады Жуковского. — Мило, мило играет Людмилу Каратыгина жена, так же как и он первая в Трагедиях; как прелестно она в последнем действии читает стихи Жуковского ее целый день дома не было; Мать спрашивает-Где она была? и бледная, безумная Людмила отвечает:

На распутии стояла;
Возвратится ль он, мечтала,
Из далеких чуждых стран,
С Грозной ратию Славян... и далее —

продолжают с Матерью стихи Жуковского до тех пор, как на чугунное крыльцо, тихо упадет кольцо... Вот час полночный настал... Убитый на сражении, и схороненный Мертвец Леонид, приходит исполнить клятву, при разлуке друг другу данную: Увести ее с собою на коне, пред днем ее свадьбы с другим, не милым. Полночь. Конь грызет бразды. Он уговаривает, твердит Ей безпристанно: едим, едим путь далек! — и вот она в беспамятстве с распущенными волосами выбегает к нему. Мчатся всадник и Людмила. Примчались, и в ту ж ночь, родные находят Людмилу на кладбище мертвою... Содержание и рецензию сей драммы надо смотреть в Сев. Пчеле Июня, но не рецензент, а Публика ценит творения; к Чорту Завистников Зотова! Публики премножество было в Театре в первый раз с представления. Я мог слышать все толки в Креслах о цене драммы. По окончании все закричали: Автора, Автора и какие то трое: не надо, не надо! ши... ши... и он не вышел. Леонида жениха играет Каратыгин По Каратыгине отличаются Брянской, Стришный, Толченев, Борецкий и проч. — Как часто не играют — но не могут утолить жажду Публики. Знаешь ли — что? всякую неделю раза два, три Горе от ума! Горе от ума! таков был Грибоедов! такова его комедия! Играют только два последние действия: Московск. бал и разезд после бала, чудо! чудо! Ах милый, как жалко что без тебя ею люблюсь. Какой разгул, какая живость на сцене! Смех, радость аплодис-

ман по всему Театру! Чацкого играет Каратыгин (не удивись: он и в комедиях тот же Каратыгин) Софью Павлов. Семенова молодая; Молчалина молодой и милый Дюр; Фамусова Рязанцов; чудака естественный, всех со смеху морит! Наталью Дмит. Каратыгина; ее супруга степенного Платона Ивановича Брянский; приятеля Загорецкого Григорьев; Газетчика Репетилова Каратыгин младший;¹ прибавь же еще к блеску комедии очарование ножек: во время бала танцуют франц. Кадриль: Солистки Балетов: Истомина, Бертран - Атрюкс, Зубова и Телешова; с солистами: Гольцом, Феликсом, Шелеховым и Спиридоновым — то-то радость! то-то праздник смотреть на все это! — Не могу высказать как я околдован балетами; как Глинка не мог решиться, которой из сестер отдать преимущество, так и я, как он, качаюсь маятником меж означенных четырех воздушных Пери. Что за легкость! что за быстрота, какое проворство ног! как пар весеннего тумана на них одежды!... но Бертран я видел в Зефир и Флоре — и Ей после битвы! полунагая, вся в цветах... Красавица личиком... Горе уму смотреть на нее в балете: Женщина Лунатик. Вот она в ночь, к незнакомцу — входит со свечкой. Смотри как она томна, бледна, в прекрасных глазах беспамяство. В другую ночь видят Ее, она смело сидит на крыше с фонарем. Все с ужасом смотрят на нее, наконец Жених уверяется в ее припадках, клянет себя за подозрение, когда он нашел ее у незнакомца спящую в его постели. Как мило она мирится с ним... Бертран, Бертран, — не знаю как описывать ее. Особливо как вспомню Козацкую пляску; вообрази: восхитительные, живые звуки музыки; Бертран красавица Козачка, Бертран в костюме родного дона, быстро, легко выделяет восторженные Козачки Па. То стан совет то разовьет; и ручкой хлопнет, друга обоймет... браво! браво, раздастся... Но вот перед тобою Истомина!... я воображаю, как бы ты жадно ловил ее движения; как бы ахал! и верно также бы как и я от того больше, что прославил ее Пушкин. Не скажу брат тебе об ней ничего. Смотри на нее, у меня сердце полно чем-то тайным, неизъяснимым... из всех более она мне показалась в балкете: Сумбурщице, Альцесте и Кавказском пленнике, где она представляет жаркую Черкешенку. В ней более всех легкости. На сцене она всегда вся в бриллиантах. Не Диво!

Зубова — резвость, и милюнькое насмешливое личико. Вот настоящая Зефирета! безумный восторг мой, — в Тирольской пляске. — Телешова — богиня смирения, сама невинность! и особенно в водевиле: Ольга — или русская Сирота она играет немую Ольгу. — Смейся надо мной — а я высказал свои чувства. В Операх услаждают слух: Шелехова, Иванова, Баркина, Самойлов, Шемаев и проч. какие видел, всех не могу упомянуть. Но долго, долго отзывалось в ушах: Жан-Пари... в ней можно коротко узнать молодого Шамаева, и любезную Шелехову. Она, переодетая, играет пажу Жанова. Как ловка! Манера в пении у ней вся перенятая у Шобер-Лехнер, Итальянской Певицы, стоит того, чтоб тебе послать портрет Шелеховой; но было бы лишнее. — Я думаю ты ее выдаешь часто, ту, ту, одну из таинственных сестер наших, не облачную ночь позднего лета, не ту, которая прислушивается к полночным отзывам Эоловой Арфы, а ту, у которой поступь Минервы, во всех Чертах что-то Греческое. Сестру старшую, Классическую — Вот самый, самый верный портрет Шелеховой!!! однакож в Русск. Теат. почитается Prima — она Иванова, и должно отдать справедливость, поет без принуждения; Голос светлый, верный. Странность! всего лучше люблю ее слушать, когда она поет: Не белы снега в поле забелелись и Соловей мой Соловей — ах, Злодейка, как очаровательна! — Баркина отличается в великолепной: Осаде Коринфа. Музыка вся Россини. — Но не пора ли окончить? не наскучил ли я своими рассказами. — Как

¹ Хлестову от всего сердца отхлестывает тучная Ежова.

хочешь — а скажу, что еще будет продолжение впредь, прочего, проч. много еще я не описал. Ах Л. Д. бывало мы беседами не скучали, опустелые стены молодого одинокого хозяина бывало часто оглашались нашими стихотворными бреднями, спорами. Помню — наши прогулки; помню как часто заунывные звуки Соловья, и знакомой дорожки, слившись со струнами, умирали вместе с лучами вечерними: — Скажи, все тот ли же ты Любезный Друг? Гуляешь ли на означенном раздолье? к кому мечты летят? Как бы желал знать подробности жизни друзей Сердечных! Скажи, прекратилась ли меж известными, зараза стихотворная? Ратует ли Попов? — скажи, дружен ли ты с недругом? Ладяшь ли с старшей и младшей? Что-то с ними!!! Хоть строчечку! — Ярмарка настает. За Окою все зашумит засветится; а друг твой на берегах Невских! с кем то пойдешь, утомленный гуляньем, в шумном приюте Гостей приезжих, веселых; дымить траву Америки; разливать влажный дар Китая! — а что Театр ваш? сиротеет — или тот же все? Волга, Волга, бог весть, когда причалюсь к берегам ее! — Но Л. Д. не думай чтоб было мне здесь скучно, я служу в месте самом благородном; ко всем привык, коротко ознакомился, многие есть охотники до Литературы. Министром я уже совершенно утвержден; и до ожидаемой скоро вакансии на место 750, получаю теперь 600 руб. Щеголяю в вицмундире, на пуговицах вензеля Н. У нас по большей части дела Царские, касающиеся до Двора. Переписка с самыми главнейшими лицами. — Нередко случается писать с руки самого Государя. Уж и служба! не поздоровится! с 10 утра и до 6 и до 5, всегда всегда вечера!! принужден будешь писать письма отрывками. Но Шекспира — никогда не оставлю. Тружусь, тружусь — перевозжу. — Скажи, Любезный Друг брату моему и Алимшиеву, чтоб они ожидали от меня писем с будущею почтою. Сколько стихов увидят! Крепостных, Переводных! Любезный Друг сделай милость не забудь меня. За великую радость, счастье почту, что нибудь получить от тебя. Но прости меня, что я так короток с Тобою издали, я думаю ты приличнее между друзьями откровенными. Прошу и ко мне писать также. — Надеюсь получить от Друга весточку в непродолжительном времени; — Вот что еще до Тебя Л. Д. прозьба усердная: Мне очень хочется познакомиться с вашим братцем. Город Петербург очень просторен, полков много. Где найдешь его? известная записочка мне изменила. Я ее хватился в Москве — не тут то было! мне же ни слова не помнится, что было в ней написано. Сделайте одолжение, означте его полк и место жительства. Папиньке и Маминьке Вашей прошу засвидетельствовать истинное, душевное мое почтение. Так ими был доволен, обласкан! Храни Провиденье Души добрые! — Поэту-воину, в своем роде, Тибулу — Пушкину (если не оскорбится) Петру Алексеевичу с супругою не примините отдать также мою благодарность за их ласки.

Ну Милый Друг, прости, прости; будь здоров и весел

Остаюсь истинно любящий тебя друг И. Гогниев

Адрес спроси у Ив. Алексеевича Иванова, поклон ему любезному.

А. К. БАЛАКИРЕВУ

И. ГОГНИЕВ

С. Петербург, Генваря 28 — 1837 года

Любезный друг Алексей Константинович.

Не ахай, не удивляйся, что ты вдруг увидел эту пестроту, начертанную рукою, когда-то тебе знакомою. Сколько времени протекло — и ни один к другому ни строчки! Как бы оба канули в вечность! Что делать. Время друзей изменило. Но если взаимность

нашу прекратила беспечность, то ее возобновляет вновь теперь грустное чувство, которым невольное побуждение меня заставляет поделиться с тобою. — Перекрестись, сотвори за упокой души его молитву.

Недвижим он лежит; и странен
Холодный мир его чела:
Поэт под грудь навылет ранен...

Наш общий Идол — Пушкин — убит на дуэли!! убит только вчера! — Я уверен, как эта весть должна поразить тебя; но в таком только случае, если ты не переменил прежнего расположения к покойнику. Я знаю, как ты любил его! Вызов сделал сам Пушкин, и Противником его был Барон Геккерен, женатый недавно на сестре жены Поэта, Фрейлине Гончаровой. Хорош Свояк! Настоящая причина этой дуэли еще неизвестна, слухи разные, как и всегда. Если верить тому, что теперь говорят, то из уважения к памяти великого Человека, перо мое не решается передавать позора, нанесенного ему злодеями. Главная причина — дела супружеские. Это происшествие было 27 ч. вечером, во время вьюги, за городом. Первый выстрел сделан был Бароном... пуля поразила Поэта в живот навылет; и упав, он собрал последние силы и ранил противника в руку, закричав в отчаянии: ура! — Таков конец необыкновенного этого человека. Он умер на другой день поутру, в час, предсказанный Докторами, и будет похоронен на Невском Кладбище. Какая потеря для нашей литературы! — Я не был с ним знаком, хоть и представлялись к тому случаи самые близкие, но я его часто так видел; и всегда любовался его арабскою профилею — поэтически безобразною! особенно его очаровательным голосом. — Обо всем что только узнаю достоверного, я непременно опишу тебе любезной Алексей Константинович. А теперь покуда мир костям его. —

При сей верной оказии, нужно ли говорить тебе, что я женат... и уже, Эге! пятый год! и моя половина (пожалуйста не думай, что похожа на многих из здешних) о нет! всех благ мира мне не надо за нее. Но это в сторону. Наследников ни души не имею... — Я подозреваю, не искушен ли уже и ты. — Службу я продолжаю в прежнем месте, в Канцелярии министра императорского двора, исправляя должности Секретаря при Директоре и Помощника Экспедитора, и все это не более, как за 1200 р. в год, с казенною квартирою. И это уж давно, и становится мне невыносимым. Но этих вериг я надеюсь скоро освободиться. Я трех часов свободных в продолжении суток не имею. —

Как бы ты одолжил меня, если бы описал теперешний быт, как свой, так и прежних моих знакомых. Что Ив. Никитичь! Что Благородное Депутатское Собрание! все там же ли оно стоит? все те же ли там лица? Одних уж чай нет, другие странствуют далече. Обрадуй меня, милый друг, возобнови прежнее знакомство хоть одною строчкою. Всего же мне желательнее получить какое нибудь известие о моем брате Федоре. Он кажется теперь в Нижнем. Бог знает, где мне его искать там. В следующем письме буду ругать Ивана Никитича. Злодей не пишет ко мне 4-й год и я его считаю мертвым. — Засвидетельствуй мое почитание Почтеннейшему твоему батюшке и доброй маминьке, мне живо памятны все их ласки, а при том если встретишься где нибудь на дороге, и Фед. Ив. Салманову, нужды нет, что он был такой, бог с ним, сердитый. — На первый раз будет. Вперед расположусь, особенно если найду посвободнее службу.

Искренно любящий тебя И. Гогниев

Адрес мой: такому-то: в Канцелярию Министра импер. двора, в Зимнем дворце.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ
И ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ

1

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
С. Д. БАЛУХАТОГО, П. К. ПИКСАНОВА и О. В. ЦЕХНОВИЦЕРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

1938